

U $\frac{155}{84}$

2007041156

Праздникъ 25-лѣтія 42-го академическаго выпуска (1885—1910 гг.)

Мы, питомцы С.-Петербургской Духовной Академіи, изъ состава 42 академическаго курса (1881—1885 гг.), весьма польщены, но вмѣстѣ и смущены, тою похвалою, какая по поводу проекта празднованія нами 25-лѣтняго курсоваго юбилея высказана на страницахъ высокоуважаемаго академическаго органа „Церковный Вѣстникъ“ (№ 25, за 24-е іюня, столб. 778—780) по адресу вообще проявленій товарищества, вмѣстѣ съ привязанностью и признательностью Академіи, именно въ этомъ выпускѣ. Приносимъ искреннюю благодарность ученому автору, который уже „возстановлялъ прошлое разныхъ выпусковъ“ нашей Академіи *), и который, будучи воспитанникомъ петербургской же Академіи, но не принадлежа къ нашему выпуску, конечно, не имѣлъ какихъ-нибудь личныхъ побужденій, безъ болѣе или менѣе объективныхъ основаній, сказать намъ пріятное слово.

Дѣйствительно, наше собраніе для празднованія 25-лѣтія со времени окончанія академическаго курса было у насъ съ самаго начала поставлено какъ-то такъ,

*) Очевидно это — достопочтенный составитель статей, посвященныхъ слѣдующимъ выпускамъ нашей Академіи: XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, — и рецензентъ „Биографич. Словаря студентовъ 1—XXVIII курсовъ Спб. Дух. Акад.“, составленнаго покойн. Библіотекаремъ Академіи А. С. Родосскимъ, К. Я. З.—въ (см. его Отзывъ объ издан. Родосскаго, сдѣланный по поручен. Императорской Акад. Наукъ, отдѣльн. отт. 1909 г., стр. 49).

что оно выходило празднованіемъ собственно не столько самостоятельнаго выступленія въ общественную жизнь, не столько 25-лѣтія служебной дѣятельности каждаго порознь и всѣхъ насъ вообще,—сколько именно празднованіемъ семейно-курсового, родственно-академическаго событія, т.е. празднованіемъ не самаго отдѣленія семьи отъ корня и не раздѣленія семьи на вѣтви, а чествованіемъ самаго корня, связующаго всѣ вѣтви, — самыхъ родительскихъ основъ раздѣлившейся для специальныхъ служебныхъ функцій семьи. И въ самомъ дѣлѣ—этотъ нашъ юбилей есть, въ извѣстной степени, юбилей самой нашей Alma Mater, и наше 25-лѣтіе какъ разъ совпало почти ровно съ послѣднею четвертью ея перваго столѣтія.

Именно такъ мы себя чувствовали и такими мыслями задавались, когда составляли проектъ юбилейнаго праздника, и когда, въ частности, думали даже о составленіи къ сему празднику автобіографій каждаго товарища: послѣднія представлялись намъ имѣющими интересъ и значеніе для исторіи самой Академіи, только что справившей праздникъ своего столѣтія.

Это послѣднее пожеланіе, по существу представлявшееся нелегкимъ для самихъ инициаторовъ такой мысли, не осуществилось, какъ и слѣдовало ожидать. Но если были скептики въ отношеніи этого пункта юбилейной программы, зато не было, за однимъ исключеніемъ, скепсиса въ отношеніи общей идеи товарищескаго съѣзда, — въ отношеніи возможности и желательности послѣдняго. Разница въ теперешнемъ служебномъ и общественномъ положеніи бывшихъ однокурсниковъ и „однокашниковъ“ никому не помѣшала откликнуться симпатичнымъ образомъ на призывъ почтенія воспитавшей и давшей всѣ служебныя права высшей духовной школы,—на призывъ общенія во имя единенія, по силѣ родства товарищескаго и братскаго.

Идейная сторона въ этомъ случаѣ, конечно, соединялась съ практическою: хотѣлось школьнымъ товарищамъ, чрезъ четверть вѣка по выходѣ изъ школы и на рубежѣ полулѣтковаго юбилея жизни каждаго, повидаться другъ съ другомъ, воскресить слѣды когда-то живаго непосредственнаго, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, общенія, переживанія однихъ и тѣхъ же академическихъ условій воспитанія и образованія, одушевленія однородными въ общемъ идеалами служенія Церкви, обще-